

РЕЦЕНЗИИ

П.Б. Михайлов

Мистицизм и теология в наследии Анри де Любака*

Петр Борисович Михайлов – кандидат философских наук. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1; e-mail: locuspetri@rambler.ru

Рецензия посвящена недавно вышедшей книге Б. Дюма «На путях ко внутреннему покою вместе с Анри де Любаком, человеком духовной жизни и богословом». Она посвящена выдающемуся католическому богослову XX в. – А. де Любаку. Работа представляет собой опыт популяризации богословской мысли далеко не самого простого мыслителя. Основанием для подобного начинания автору служит его предыдущее фундаментальное исследование соотношения мистицизма и теологии в наследии изучаемого героя. Б. Дюма предлагает оригинальную разработку в виде 12 опорных точек, фасетов мысли А. де Любака, которые призваны показать как разнообразие его мысли, так и присущую ей центричность, заключающуюся в осознанном неразрывном единстве порядка мысли и созерцания, теологии и мистицизма.

Ключевые слова: Анри де Любак, Второй Ватиканский собор, мистицизм, теология, иезуитская богословская школа, теологические фасеты, католическое богословие XX в.

Анри де Любак (1896–1991), которому посвящена эта небольшая книга, – один из самых значительных богословов XX столетия, причем не только для католического мира, но и для всего христианства в целом. Автор широкого ряда монографических исследований, посвященных самым разным темам¹ – от вопросов сугубо внутрицерковных, таких как осмысление природы христианской церкви, до остро болезненных тем современности, как, например, исследование генезиса европейского атеистического гуманизма в XIX в. и построение на его основании грандиозных тоталитарных систем первой половины XX в. **Выученик иезуитских школ, участник величайших событий своего времени, де Любак, с одной стороны, ветеран и инвалид Первой мировой войны, с другой – активный член экспертного корпуса Второго Ватиканского собора Римско-Католической церкви (1962–1965), а в последние годы жизни –**

* Рец. на кн.: *Dumas, Bertrand. Chemins vers le silence intérieur avec Henri de Lubac, spirituel et théologien. [Paris]: Parole et Silence, [2015]. 180 p.*

¹ На русском языке имеется уже несколько важных книг этого выдающегося автора: [де Любак, 1992; де Любак, 1994; де Любак, 1997; де Любак, без ук. года].

кардинал². Воздействие его идей и влияние личности распространяется далеко за границы католической общины. Сегодня его наследию посвящаются многочисленные тексты и научные исследования. Об актуальности и востребованности его наследия говорит факт продолжающейся уже без малого двадцать лет работы над полным собранием его сочинений, запланированным в объеме пятидесяти томов парижским издательством “Cerf” [de Lubac, 1998–[2018]].

Мысль де Любака отличает необычайная чуткость к ключевым проблемам христианской традиции, исторического опыта человечества и современного положения церкви в мире и обществе. В размышлениях о природе и предназначении христианской церкви он сумел подчеркнуть ее целостность и общинность, или соборность (концепция *евхаристической экклезиологии*); в представлениях о Боге и человеке – их близость и принципиальное различие (концепция *сверхприродного*); в христианской герменевтике – ее основополагающий *полисемантизм*, преимущество духовной экзегезы и сбалансированную уравновешенность элементов, приводящих в процесс истолкования; в исследовании истоков современного безбожия – его происхождение в творчестве властителей умов Европы девятнадцатого века (Ницше, Фейербах, Маркс, О. Конт), в новоевропейской прогрессистской философии истории – ее корни в богословских заблуждениях средневековья (Иоахим Флорский).

Незадолго до и во время Второй мировой войны де Любак опубликовал несколько книг, и в частности – «Католичество. Социальные аспекты догмата» [de Lubac, 1938; рус. пер.: де Любак, 1992], ставшее для целого поколения католических богословов своеобразной богословской программой церковных преобразований и задавшее ряд важных направлений развития для богословской рефлексии на несколько десятилетий вперед. Пунктами программы стали: соборность (ср. кафоличность), богословие истории, герменевтика Писания и истории. Одновременно с этой книгой было подготовлено исследование «*Corpus mysticum. Евхаристия и Церковь в Средние века. Историческое исследование*» [de Lubac, 1944], вышедшее отдельной книгой позднее. “*Corpus mysticum*” представляет собою классический пример исследования в жанре исторической теологии: современная богословская проблема разрешается на основе богословской традиции патристики и особенно схоластики (Августин, Амаларий, Фома, Бонавентура и др.). Здесь де Любак сопоставляет различные преломления своего предмета: *corpus mysticum*, *corpus verum* и *corpus sacramenti* (соответственно, мистическое тело Церкви, истинное тело Христа и евхаристический хлеб) как грани единого тела. Опираясь на средневековых схоластов, де Любак подкрепляет эту триаду выверенной семантической аналогией: знак (*res-et-sacramentum*) – означаемое (*res tantum*) – значение (*res ultima*) [de Lubac, 1944, p. 276–277]. Тайнство Евхаристии состоит в том, что тело церковное становится телом Христовым, как хлеб и вино становятся плотью и кровью. Сам де Любак усматривал в этой книге три перспективы: экуменический вопрос (в особенности в связи с православно-католическим диалогом), евхаристический догмат (насущность евхаристического опыта древнехристианского

² За более подробными сведениями о его жизни и богословских идеях я адресую читателя к моей статье в Православной энциклопедии: [Михайлов, 2016a] (интернет-версия на портале «Богослов.ру»: <http://www.bogoslov.ru/persons/278385/index.html>; дата обращения: 29.05.18); [Михайлов, 2016b].

запада и востока, устранение излишней спекулятивности посттридентского католицизма) и литургическую жизнь в ее подлинных измерениях (трансцендентность и универсализм) [см.: de Lubac, 1944, p. 405].

В военные годы вместе со своим коллегой и другом Жаном Даниелу А. де Любак принял участие в основании широко известной теперь издательской серии патристических памятников «Христианские источники» (*Sources chrétiennes*, 1942–). Ревностные охранители официального католического богословия поначалу окрестили этот просветительский проект «боевой машиной [снаряженной] против томизма» [Guinot, 2014, p. 455], однако очень скоро это начинание получило как церковное, так и академическое признание. На сегодняшний день собрание состоит из без малого шестисот выпусков древних христианских текстов на оригинальных языках с современными переводами и подробнейшими сопроводительными материалами.

В книге «Драма атеистического гуманизма» [de Lubac, 1944; рус. пер.: де Любак, 1997], написанной в годы войны и выдержавшей при жизни автора семь изданий, де Любак исследует истоки мировых катастроф XX в., подвергая беспощадному анализу с теологических позиций философские построения Л. Фейербаха и К. Маркса, Ф. Ницше, О. Конта и др. У них он выводит основные типы атеистического гуманизма – соответственно социальный и политический, экзистенциальный и индивидуалистический. Будучи весьма различными по своим идеям, эти системы едины в своем корне – отрицании христианства и отвержении Бога. Де Любак показывает, что и последствия их сходны; они приводят к крушению человеческой личности и распаду общества. Так, атеистический гуманизм оборачивается антигуманизмом. Последняя часть книги целиком посвящена Ф.М. Достоевскому, который у де Любака предстает писателем-пророком и «судьей нашего времени»: в своих произведениях он выводит духовный идеал индивидуума, социальный идеал революционера и рациональный идеал философа как основные типы извращенной веры и показывает безытность существования противников веры в Бога.

В послевоенные годы увидела свет книга «Прудон и христианство» [de Lubac, 1945], в которой де Любак продолжил изучение природы европейского гуманизма, в данном случае гуманизма теистического, хотя и антиклерикального; де Любак с большой симпатией исследует мысль мыслителя и общественного деятеля П.Ж. Прудона, известного своей критикой современной западно-европейской религиозности. В изображении де Любака Прудон предстает как особый тип «социального антитеиста», который в отличие от «радикальных антитеистов» (Маркс, Фейербах, Ницше) не выводил из своего отрицания религиозных идей несуществование Бога.

Самой знаменитой книгой де Любака стала монография «Сверхприродное. Исторические исследования» [de Lubac, 1946]. Она вызвала острую дискуссию в церковных кругах в связи с движением, получившим от своих консервативных оппонентов уничижительное название «новая теология» и официально осужденным в 1950 г. папской энцикликой *Humani generis* (12.08.1950). В этой книге де Любак анализирует соотношение философии и теологии, развитие познавательных способностей человека и напряженного восприятия сверхприродного Откровения. Основным методом, как и в большинстве других книг, стало историческое исследование, построенное на

материале патристики и схоластики. Анализ древних источников приводит к радикальным выводам: современное официальное понимание категории *сверхприродного* решительно расходится с таковым блж. Августина и Фомы Аквинского. Исконно *сверхприродное* не есть часть человеческой природы, но некая зарожденная в человеке жажда Бога, способность и стремление видеть Его; «природная жажда сверхприродного» [de Lubac, 1946, p. 431], жажда того, чем человек обладает не по природе, но по дару. Под острие критики де Любака подпали категории, выработанные представителями так называемой «второй схоластики» – «чистой природы» (*natura pura*) и «сверхданной благодати» (*suraddita gratia*), ограничивающие экзистенциальный горизонт человека пределом природной жизни. Де Любаку удается показать, что в человека вложено стремление выйти за пределы своей природы, навстречу которому и подается помощь извне – божественная благодать. Этот порыв де Любак порой называет «духом в человеке» [de Lubac, 1946, p. 483]. Так понятое состояние человека он называет «христианским парадоксом человека»: «...человек может жить лишь перед лицом Бога, а созерцание Бога целиком зависит от Божиего расположения» [de Lubac, 1965, p. 223]. Благодаря этому размыканию горизонта человеческого существования, «открытию человека к Божественному» де Любаку удается совместить разобщенные дискурсы – богословие (отнесенное его оппонентами всецело в сферу *сверхприродного*, почему апелляция к этой категории в современных общественных дискуссиях оказывается под запретом), философию и мистицизм.

Годы отстранения от преподавания и вынужденного ограничения круга общения, последовавшие за официальной критикой де Любака и его единомышленников в упомянутой энциклике, позволили ему посвятить себя сосредоточенным и интенсивным исследованиям древнего и средневекового богословия, результатом чего стала публикация многочисленных монографий и статей. Так появились два значительных исследования: 1) книга «История и дух: Понимание Писания у Оригена» [de Lubac, 1950], посвященное экзегетической теории и практике Оригена и выдержанное в апологетическом ключе по отношению к этому пререкаемому древнему автору; 2) четыре тома «Средневековая экзегеза. Четыре смысла Писания» с суммарным объемом 1800 страниц – исследование по средневековой библейской экзегезе, оцененное, в частности, П. Рикёром как важное событие в современной герменевтике.

В поздние годы де Любак продолжил масштабные исследования, результаты которых получили отражение, в частности, в книге о Пико дела Мирандола [de Lubac, 1974], вклад которого в развитие идей свободы, солидарности, мира и вселенскости де Любак высоко ценил, и в двухтомнике «Духовные наследники Иоахима Флорского» [de Lubac, 1979, 1981], в которой де Любак выступил с критикой эсхатологического утопизма, не утратившего своего влияния и на современность. Это последнее грандиозное произведение, охватившее огромный период от средневековья до середины XX в., стало плодом многолетнего погружения в тему. Как характеризует этот труд биограф де Любака, «Иоахим – последняя великая битва восьмидесятилетнего богослова, выступившего против ложного противопоставления Слова и Духа, института и таинства Церкви, природы и благодати, Откровения и истории» [Chantraine, Lamaire, 2013, p. 653–654].

Автор рецензируемой книги Бертран Дюма также внес свой вклад в мировую «любакиану». Ему принадлежит фундаментальное исследование темы взаимодействия мистицизма и богословской рациональности [Dumas, 2013], ставшей плодом его диссертационного исследования, защищенного в Страсбурге в 2010 г., опубликованного в 2013 г. и получившего одобрительные отзывы специалистов [см., в частности: Wagner, 2014]. Автор отстаивает тезис о взаимодополнительности мистического опыта и теологической рациональности, как особенности мысли де Любака, сближающей его с передовыми теологическими разработками своего времени. Его определение мистицизма примечательно. Б. Дюма пишет: «Мистицизм – это духовное толкование Писания. Отсюда происходит богословие, оно вступает в дело в тот самый момент, когда приобщение к Таинству становится единственной целью. Таким образом, духовное понимание Писания не просто проливает свет на саму мистику, богословие и их взаимосвязь, но уже само становится конкретным местом приобщения Таинству, в котором соединяются все упомянутые аспекты» [Dumas, 2013, p. 365].

Книга, которую мы рассмотрим в настоящем случае, называется так: «На путях ко внутреннему покою вместе с Анри де Любаком, человеком духовной жизни и богословом». Автор предлагает, по сути, облегченную версию своей научной монографии, адресованную уже не только специалистам по христианскому богословию, а всем, кто интересуется традиционными религиозными практиками христианства и опытом их осмысления. Книгу предваряет небольшое вступительное слово кардинала Филиппа Барбарена, нынешнего лионского епископа, некогда учившегося у де Любака в иезуитском колледже на улице Севр, в Париже, куда школа переехала из Лиона в 1975 г., а вместе с ней переехал и знаменитый богослов. Книга состоит из трех неравных частей: биографического очерка, основной части, составленной в виде двенадцати импрессионистских зарисовок, отражающих по замыслу автора особенности де Любака как человека духовной жизни и богослова, и, наконец, третьего раздела в виде краткой систематизации заявленной темы, преследующего своей целью показать, как теология служит отражению духовной жизни. В самом заключении даются краткие рекомендации по знакомству с обширным наследием де Любака, своего рода библиографический путеводитель.

Наиболее оригинальной является вторая часть книги, где Б. Дюма выставляет двенадцать образов своего героя, запечатлений его духовных этапов и покоренных им богословских вершин – галерею мистико-богословских фасетов его опыта и мысли. За этим приемом кроется характерная для католического благочестия логика литургической процессии, сосредоточенной вокруг определенных остановок духовного созерцания. Особенно это свойственно иезуитской духовности, канонизированной основателем ордена Игнатием Лойолой в «Духовных упражнениях» – библии иезуитской духовности. Этот прием нельзя не признать стилистически удачным. В этих двенадцати обособленных отражениях автору удается очертить духовное пространство мысли и опыта его героя, «реперные точки» его богословия, создав тем самым его целостный богословский портрет. Такая форма позволяет избежать избитых структур школьной богословской систематизации, глубоко чуждых мысли де Любака.

Первым образом, постоянным притяжением его неустанного созерцания, служит «вечная весна Христа» [Éternel printemps du Christ, p. 41–49], иными словами, таинство Бога, явленное Иисусом Христом. Сама новозаветная проповедь Христа служит разоблачением любых попыток растворить это центральное событие в разнообразных формах исторического утопизма, впечатляющую историю которого де Любак написал в своем последнем двухтомном исследовании «Духовные наследники Иоахима Флорского» [de Lubac, 2014], охватившим харизматичных соблазнительей европейской истории от средневековых проповедников до современных вождей. Его отражением служит второй образ – «бездонная глубина человеческого сердца» [L'abîme du cœur humain, p. 49–56]. Важнейшим завоеванием богословия де Любака, стоившим ему десяти лет изоляции, стало возобновление представления о человеке как бездонной тайне, как носителе сверхприродного начала. Однако этот образ понят не в своей уникальности, но через свою вселенскую соборную проекцию в свете гефсиманского моления – *да будут все едины* [Qu'il soient un, p. 56–62 – ср.: Ин. 17:21], в котором все люди призваны к общению с Богом и друг с другом. Эта тройка фасетов лежит в основе любакрианской мысли и духовности.

Следующий этап созерцания артикулируется автором в выражении: «в руках Божиих» [Entre les mains de Dieu, p. 63–70], образ, под которым понимается распространение дела всемирного спасения, происходящее от Бога через человека. Оно находит свои пути и через немощи отдельного человека, в связи с чем Б. Дюма упоминает о болезненных последствиях боевого ранения де Любака, вопреки которым ему удалось добиться невероятных результатов в своем творчестве. Божественные свершения осуществляются через многих людей, причем порой опыты духовности и рациональности разного качества. В наследии де Любака эта особенность получила отражение в исследованиях нехристианской духовности и его собственных неустанных усилиях наладить диалог с нехристианами. Б. Дюма называет этот образ описательно: «в поисках истинного диалога» [Chercher le vrai dialogue, p. 70–77]. Однако этот диалог встречает множественные препятствия для своего осуществления в различных политических и религиозных контекстах, что требует от участников диалога «мужественного сопротивления» [Résister avec courage, p. 77–83] и «нескончаемого обучения» [Pourquoi étudier encore?, p. 83–91] – еще две реперные точки, вокруг которых вращается мысль де Любака. В полную меру явить мужественное сопротивление де Любаку довелось в период великих исторических потрясений. Он принял деятельное участие в интеллектуальном и общественном сопротивлении политике национал-социализма, выступив автором ряда статей в подпольном издании – «Журнале христианского сопротивления». Что касается императива о непрестанном обучении, то и в жизни, и творческой де Любак неуклонно ему следовал. И чем глубже он погружался в историческое наследие христианского богословия, тем более убеждался в его неисчерпаемости. Об этом говорит его обширная библиография, ограниченная лишь объективными факторами известных сроков человеческой жизни. При этом де Любак был убежден, что историческое наследие по-настоящему воспринимается лишь в свете религиозной и духовной актуальности.

Среди своих главных союзников де Любак опознает универсальную общность – «Церковь» [Ton espérance, c'est l'Église, p. 91–97], понимаемую как неразрывное единство человеческого и божественного, святого и грешного, видимого и невидимого. Б. Дюма называет Церковь «биотопом» де Любака [см.: Dumas, 2015, p. 39], наиболее естественной средой обитания. И это при том, что в 1950 г. он подвергся тяжелому испытанию официальной церковной опалы, которая продолжалась около десяти лет. Де Любак не только не замкнулся в себе, но именно в это время опубликовал свой восторженный гимн церкви в книге «Размышления о Церкви» (1953). В связи с этим объясним и своеобразный культ дружбы, свойственный де Любаку, характерный также и для его многочисленных единомышленников. Б. Дюма характеризует своего героя как «богослова дружбы» [Théologien de l'amitié, p. 98–104]. В Церкви же богослов находится в теснейшем соприкосновении с Библией, откуда проистекает особенное понимание «божественности Писаний» [Divinité des Écritures, p. 104–111]. Подспорьем для формирования герменевтической модели де Любака, как известно его исследователям, стало наследие древнего александрийского богослова Оригена (ум. ок. 254). Средоточие всей духовной жизни указывается де Любаком в таинстве Евхаристии, «Евхаристия, хлеб перехода» [Eucharistie, pain du passage, p. 111–118]. Де Любаку удается внести свой вклад в одно из перспективных направлений в развитии современной экклезиологии, раскрыв ее евхаристическую природу. Церковь как Тело Христово он понимает в трех аспектах: историческом – от Девы, сакраментальном – из хлеба и вина и собственно церковном – как единство Христа и христиан. В этом отношении его взгляды близки к позднейшим идеям православных богословов, таких как прот. Николай Афанасьев и его последователи, в частности митр. Иоанна Зизиулас. Эсхатологический аспект богословия де Любака Б. Дюма раскрывает в понятии о «Боге, всегда более великом», сравнительно с возможностями его постижения и наших ожиданий [Dieu toujours plus grand, p. 118–126]. Де Любак явно разделяет интуиции православного апофатизма, вступающие в неизбежное противоречие со схоластическим аподиктизмом. В этом сполна выражается новаторский характер его богословия, воспринятый в католицизме через постановления Второго Ватиканского собора, подводящие к познанию таинства Бога. Этот завершающий фасет мысли де Любака придает его богословию постоянно динамический характер. Все человеческое движется непрестанно. И богословские прозрения лишь помогают направить это движение к Богу. Б. Дюма подбирает в наследии своего автора высказывание, точно передающее его центральную интуицию: «...христианство не есть предмет, который мы держим в руках, это – тайна, перед которой мы всегда остаемся невеждами и непосвященными» [цит. по: *ibid.*, p. 123].

Третья часть книги посвящена современному значению Анри де Любака, попыткам его оценить и предположить дальнейшие перспективы рецепции его наследия. Б. Дюма отстаивает оспариваемую в современной историографии точку зрения на наследие де Любака как на некую россыпь исследований, написанных под воздействием обстоятельств и вне внутреннего единства. Напротив, оно «обнаруживает глубокую и единую динамику, будучи насквозь пронизано духовностью» [*ibid.*, p. 130]. В предложенной Б. Дюма обрисовке внутреннего строя мысли и духовного опыта А. де Любака наглядно показано,

что призвание богословия заключается в фундаментальной исторической и интеллектуальной поддержке подлинно христианской духовной жизни. Более того, само его богословие вырастает из этой жизни, будучи внутренне явлением глубоко духовным; оно есть «одна из разновидностей духовной деятельности. Не просто средство для духовной жизни, но часть этой встречи Бога с человеком во Христе» [ibid., p. 164]. Именно эта черта часто вменялась де Любаку в вину и до сих пор продолжает препятствовать многим адекватно воспринимать его наследие. «В конечном счете, – Б. Дюма приводит слова самого де Любака, – богословие есть не что иное, как прославление и молчаливое почитание в признании непостижимого Таинства» [цит. по: ibid., p. 164]. В этом Б. Дюма находит самую суть любаковской мистической духовности и богословствования; он обнаруживает в едином человеческом существе динамизм, как интеллектуальный, так и духовный, от безмолвия до прославления, уподобляя их соответственно «систоле и диастоле человеческого сердца – жизни духовной и жизни богословской, полю созерцательности и полю рациональности» [ibid., p. 171].

Бертрану Дюма удалось в этой небольшой книге с достаточной полнотой нащупать центральный нерв богословской мысли и духовного опыта легендарного богослова последнего столетия – неразрывное единство плана духовного прозрения, мистицизма, и его рационального выражения, теологии; мистицизм он освобождает от ложно приписываемой ему иррациональности, теологию – от искусственно вменяемой ей отвлеченности. Автор умело раскрыл это единство, как оно проявляется в различных и весьма неравноценных аспектах-фасетах несистематичного, как ошибочно принято считать, наследия Анри де Любака. За книгой следует признать несомненную удачу в новом открытии такого загадочного христианского мыслителя, каким до сих пор остается А. де Любак для широкой публики.

Список литературы

- де Любак, 1992 – *Любак А. де*. Католичество. Социальные аспекты догмата. М.: Милан, 1992. 397 с.
- де Любак, 1997 – *Любак А. де*. Драма атеистического гуманизма. Милан; М., 1997. 302 с.
- де Любак, 1994 – *Любак А. де*. Мысли о церкви. Милан; М., 1994. 303 с.
- де Любак, без ук. года – *Любак А. де*. Парадокс и тайна церкви. Милан; М., б.г. 144 с.
- Михайлов, 2016а – *Михайлов П.Б.* Любак Анри де // Православ. энцикл. Т. XLII. М., 2016. С. 28–33.
- Михайлов, 2016б – *Михайлов П.Б.* Любак де // *Философы Франции: Слов.* / Ред. И.И. Блауберг. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016². С. 288–290.
- Chantraine, Lamaire, 2013 – *Chantraine G., Lamaire M.-G.* Henri de Lubac. Paris, 2013. Т. IV. Concile et après-Concile (1960–1991). 822 p.
- Dumas, 2013 – *Dumas B.* Mystique et théologie d'après Henri de Lubac. Paris: Cerf, 2013 (coll. «Études lubaciennes, VIII»). 544 p.
- Dumas, 2015 – *Dumas B.* Chemins vers le silence intérieur avec Henri de Lubac, spirituel et théologien. [Paris:] Parole et Silence, [2015]. 180 p.
- de Lubac, 1938 – *Catholicisme, les aspects sociaux du dogme*. Paris, 1938. 393 p.
- de Lubac, 1944 – *Corpus mysticum. L'Eucharistie et l'Église au Moyen Âge. Étude historique*. Paris, 1944. 369 p.

- de Lubac, 1944 – *Le Drame de l'humanisme athée*. Paris, 1944. 412 p.
- de Lubac, 1945 – *Proudhon et le christianisme*. 1945. 315 p.
- de Lubac, 1946 – *Surnaturel. Études historiques*. Paris, 1946. 498 p.
- de Lubac, 1950 – *Histoire et Éspirit. L'intelligence de l'Écriture d'après Origène*, 1950. 448 p.
- de Lubac, 1965 – *Le mystère du surnaturel*. Paris, 1965. 370 p.
- de Lubac, 1974 – *Pic de La Mirandole. Études et discussions*. Paris, 1974. 431 p.
- de Lubac, 1979, 1981 – *Postérité spirituelle de Joachim de Flore*. Paris; Namur, 1979, 1981. 885 p.
- de Lubac, 2014 – *Lubac H. de. La postérité spirituelle de Joachim de Flore*. Paris, 2014². 959 p.
- de Lubac, 1998–[2018] – *Lubac H. de. Œuvres complètes*. Paris, 1998–[2018]. Vol. 1–[50].
- Guinot, 2014 – *Guinot J.-N. Les Sources chrétiennes, hier, aujourd'hui, demain // Les Pères de l'Église aux sources de l'Europe*. Paris: Cerf, 2014. P. 449–472.
- Wagner, 2014 – *Wagner J.-P. Bertrand Dumas, Mystique et théologie d'après Henri de Lubac // Revue des sciences religieuses*. 2014. 88/1. P. 129–130.

Mysticism and Theology in the Legacy of Henri de Lubac

Petr B. Mikhaylov

St. Tikhon's Orthodox University 6/1 Lihov pereulok, Moscow 127051, Russian Federation; e-mail: locuspetri@rambler.ru

The review is devoted to recently published B. Dumas's book "On the Ways into the Inner Silence with Henri de Lubac, a Man of Spiritual Life and Theologian". Author proposes an original essay containing twelve special points, a kind of theological facets of de Lubac's thought, that have to show a diversity of his ideas, as well as a genuine centrism, concerning a close interaction between thought and contemplation, theology and mysticism

Keywords: Henri de Lubac, the II Vatican Council, mysticism, theology, Jesuits theological school, theological facets, Catholic theology of the 20-th c.

References

- Chantraine, G., Lamaire, M.-G. *Henri de Lubac. T. IV. Concile et après-Concile (1960–1991)*. Paris, 2013. 822 pp.
- Dumas, B. *Mystique et théologie d'après Henri de Lubac*. Coll., in: *Études lubaciennes*, VIII. Paris: Cerf, 2013. 544 pp.
- Dumas, B. *Chemins vers le silence intérieur avec Henri de Lubac, spirituel et théologien*. Paris: Parole et Silence, 2015. 180 pp.
- Guinot, J.-N. *Les Sources chrétiennes, hier, aujourd'hui, demain*, in: *Les Pères de l'Église aux sources de l'Europe*. Paris: Cerf, 2014. pp. 449–472.
- Liubak, A. de. *Katolichestvo. Sotsialnye aspekty dogmata* [Catholicism: A Study of Dogma in Relation to the Corporate Destiny of Mankind]. Moscow; Milan, 1992. 397 pp. (In Russian)
- Liubak, A. de. *Drama ateisticheskogo gumanizma* [The Drama of Atheist Humanism]. Moscow; Milan, 1997. 302 pp. (In Russian)
- Liubak, A. de. *Mysli o tserkvi* [The Splendour of the Church]. Moscow; Milan, 1994. 303 pp. (In Russian)

- Liubak, A. de. *Paradoks i taina tserkvi* [The Church: Paradox and Mystery]. Moscow; Milan, 2011, 144 pp.
- Lubac, H. de. *Catholicisme, les aspects sociaux du dogme*. Paris, 1938. 393 pp.
- Lubac, H. de. *Corpus mysticum. L'Eucharistie et l'Église au Moyen Âge. Étude historique*. Paris, 1944. 369 pp.
- Lubac, H. de. *Le Drame de l'humanisme athée*. Paris, 1944. 412 pp.
- Lubac, H. de. *Proudhon et le christianisme*. 1945. 315 pp.
- Lubac, H. de. *Surnaturel. Études historiques*. Paris, 1946. 498 pp.
- Lubac, H. de. *Histoire et Esprit. L'intelligence de l'Écriture d'après Origène*, 1950. 448 pp.
- Lubac, H. de. *Le mystère du surnaturel*. Paris, 1965. 300 pp.
- Lubac, H. de. *Pic de La Mirandole. Études et discussions*. Paris, 1974. 431 pp.
- Lubac, H. de. *Postérité spirituelle de Joachim de Flore*. Paris; Namur, 1979, 1981. 885 pp.
- Lubac, H. de. *La postérité spirituelle de Joachim de Flore*. Paris, 2014². 959 pp.
- Lubac, H. de. *Œuvres complètes*. Paris, 1998–[2018]. Vol. 1–[50].
- Mikhailov, P. B. Liubak Anri de [Lubac Henri de], in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 2016, vol. XLII, pp. 28–33. (In Russian)
- Mikhailov, P. B. Liubak de [Lubac de], in: *Filosofy Frantsii: Slovar*. Ed. by I. I. Blauberg. Moscow; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016². pp. 288–290.
- Wagner, J.-P. Bertrand Dumas, Mystique et théologie d'après Henri de Lubac, *Revue des sciences religieuses*, 2014, 88/1, pp. 129–130.